

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

В разделах по византиноведению (стр. 70—77, 183—205, 361—382) автор характеризует трудные пути становления этого отдела исторического знания, в котором русская наука до 1917 г. занимала ведущее место в мире. По его мнению, временный упадок византиноведения объясняется тем фактом, что оно (как и славистика) «зادолго до 1917 г. было политически скомпрометировано в глазах русской передовой общественности тем особым поощрением, которое оно получало от царского правительства» (стр. 70). Только победа марксистско-ленинской методологии во всех общественных науках и рост молодых кадров историков сделали возможным возрождение византиноведения в полном объеме и на новой методологической основе (стр. 77). Следует, пожалуй, особо отметить, что, не являясь специалистом в области истории Византии и византиноведения, О. Л. Вайнштейн предельно точно характеризует все споры и дискуссии, ведущиеся советскими византинистами, главные темы, над которыми они работают. Автор подчеркивает, что к середине 50-х годов византиноведение «благодаря возросшему числу и большой научной активности специалистов» занимает видное место в советской исторической науке, причем единство методологической основы всех разделов общественных наук обусловило совпадение выдвинутых византинистами проблем с теми, которые уже разрабатывались медиэвистами-западниками: генезис феодализма в деревне и городе, в частности проблема распада или закрепощения общины; развитие феодальных отношений и формы феодального государства; классовая и политическая борьба, ее отражение в идеологии (стр. 361).

В целом работа О. Л. Вайнштейна, в которой сосредоточено и резюмировано все, что выработано советской медиэвистикой за 50 лет ее существования, является крупным достижением нашей науки и без сомнения станет настольным справочным пособием для широкого круга научных работников — историков, преподавателей истории и студентов, на которых она и рассчитана.

И. Медведев.

Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la comission du CORPUS INSCRIPTIONUM SEMITICARUM. Tome VIII rédigé par J. Pirenne. Paris, 1968, 274 стр.

Важнейшее из справочных изданий по южноарабской эпиграфике — «Репертуар семитской эпиграфики» — пополнилось новым томом, подготовленным проф. Жаклин Пиренн. В отличие от предыдущих томов серии он не содержит текстов надписей и ограничивается таблицами и индексами к томам V, VI и VII, изданным Г. Рикмансом и посвященным специально южноарабским материалам. Весьма удобно, что автор включил в работу и южноарабские надписи, публиковавшиеся в I—III томах «Репертуара» среди разноязычных семитских текстов и в настоящее время труднодоступные.

Том VIII является плодом необыкновенно кропотливого и упорного труда и представляет науке незаменимый «рабочий инструмент», без которого не сможет обойтись теперь ни одно исследование по сабеистике. Его характер и значение лучше всего обрисует простое перечисление многообразных индексов и указателей, составляющих том.

I — таблица обозначений (стр. 15—16) перечисляет продуманную систему условных значков, обозначающих соотношения между надписями (идентичность двух изданий, более полную публикацию, принадлежность к одному тексту и т. п.), и характеристики ряда терминов (восстановление в тексте, наличие иной интерпретации и позднейшие исправления чтения). Использование этих значков позволило Ж. Пиренн вместить в небольшом объеме очень значительную и полезную информацию.

II — таблица дополнений и отождествлений номеров «Репертуара» и «Корпуса семитских надписей» (точнее, его IV части, посвященной южноарабским надписям) (стр. 17—27) позволяет читателю выяснить соотношение двух основных «нормативных» изданий южноарабских надписей, как в общем виде, так и для каждого конкретного документа. Два раздела таблицы позволяют получить необходимую справку и по номеру RES, и по номеру СИН.

Далее следуют собственно указатели: I — надписи, классифицированные по диалектам (стр. 31—32), II — по местам находки (стр. 33—36), III — по местам хранения. Даются также указатель обозначений, под которыми значились надписи в издании «Репертуара» (IV, стр. 59—79), и авторов, публикации которых послужили основой для этого издания (V, стр. 81—108). Таким образом читатель получает полную информацию о каждой надписи от ее находки до включения в «Репертуар».

В VI указателе тексты распределены по категориям памятников, на которых они находятся (стр. 109—112). Он насчитывает 15 рубрик с многочисленными внутренними подразделениями. Затем идут перечни наскальных надписей (VII), надписей на стенах зданий (VIII), граффити (IX), «муснадов» (т. е. древних надписей, дошедших в записях средневековых арабских авторов) (X), датированных текстов (XI) и указатель символов божеств (XII, стр. 115). К сожалению, во всех этих указателях Ж. Пиренн лишь воспроизводит указания издания, не внося в них, за редкими исключениями, необходимых уточнений, выясненных позднее.

Основное содержание тома составляет указатель слов (стр. 117—258), расположенных в алфавитном порядке и снабженных грамматическими пометами. Выделены имена собственные (с подразделениями — имена богов, племен, родов, личные мужские и женские, географические имена и эпитеты божеств) и основные грамматические формы: существительные (с указанием форм множественного числа), глаголы (с подразделениями по родам), местоимения, предлоги, прилагательные, числительные и т. п. Неправильные формы оговорены особо. В случаях неясности текста или термина грамматическая помета отсутствует.

Ж. Пиренн не указывает перевода слов, но те случаи, когда интерпретация «Репертуара» отличается от толкования соответствующего термина в «Корпусе», отмечены звездочкой. Поэтому индекс в значительной мере может заменить словарь, отсутствие которого в литературе по сабейстике ощущается весьма сильно. Большой объем охваченного материала и особенно его разнообразие делают индекс почти полным. Он значительно превосходит все имеющиеся словари или указатели к отдельным изданиям и безусловно отражает все основные слова и термины, встречающиеся в южноарабской эпиграфике, хотя и не обладает абсолютной полнотой. Индекс включает и «поврежденные» слова по алфавиту первой или последней буквы.

Издание завершается объемистым списком опечаток к V—VII томам (стр. 258—271).

Автор сознательно отказался от привлечения новой литературы, посвященной переизданию или реинтерпретации надписей «Репертуара» после публикации соответствующих томов, оставив эту работу, согласно традиции издания, до следующих выпусков. Объем этой работы полностью оправдывает это решение. Поэтому материал соответствует уровню 1950 г., когда вышел последний выпуск VII тома. Однако и в таком виде справочник является незаменимым пособием, многократно облегчающим работу исследователя.

Издание такого характера и такого объема не может обойтись без известного числа неточностей и ошибок; есть они и в работе Ж. Пиренн.

Так, отметим, что надпись RES 3956 хранится не в Эрмитаже, а в Ленинградском отделении Института востоковедения; там же находится и RES 3957, пропущенная автором. Но число таких неточностей и пропусков очень невелико, и справочник можно охарактеризовать как весьма надежный и удобный в пользовании.

Ж. Пирени достойно продолжила многолетний труд и научную традицию своего учителя, профессора Гонзага Рикманса, отдавшего много сил и публикации «Репертуара семитской эпиграфики», и созданию различных справочных пособий по сабейстике. Можно пожелать ей успешного продолжения этого направления работ, составляющих базу успешного развития науки.

А. Г. Лундин.

Nicholas Adontz. *Armenia in the period of Justinian. The political conditions based on the naharar system.* Translated with partial revisions a bibliographical note and appendices by Nina G. Garsoïan, professor of armenian studies, Columbia University. — Imprimerie Orientaliste, Louvain, 1970 [Calouste Gulbenkian Foundation — Armenian Library].

Николай Георгиевич Адонц (1871—1942), труду которого посвящены настоящие заметки, принадлежит к числу крупнейших арменистов XX в. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, прошедший полный курс историко-филологического факультета, он был оставлен при университете и в качестве магистерской работы представил монографию: *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя.* СПб., 1908 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XI). Этот труд уже тогда был отмечен в лестной рецензии А. А. Васильева (*Журнал Министерства народного просвещения*, 1910, февраль, стр. 412—418), однако по-настоящему исследование Н. Г. Адонца было оценено в последующие десятилетия. В настоящее время работа Адонца является отправной точкой для исследования самого широкого круга проблем истории раннесредневековой Армении, в первую очередь ее общественного строя.

Н. Г. Адонц дает подробное историко-географическое описание Армении, прослеживает топонимику с древнейших времен до современности. Он выделяет основные армянские территории — Малую Армению, Внутреннюю Армению, автономные княжества («сатрапии»), Персармению, выявляет специфику их исторического развития, их отношений с Византией и Ираном. Адонц показывает, как политика Юстиниана приводит к утрате самостоятельности армянских областей, включенных в состав империи, как рушатся свойственные армянам формы быта и как эти последние приводятся в соответствие с условиями, характерными для империи.

Но центр тяжести работы находится в той ее части, которая посвящена анализу нахарарского строя, этой местной разновидности «того мирового явления, которое на западе известно под именем феодализма». Адонц подсчитывает количество нахарарских родов, существовавших в Армении, локализует каждую нахарарскую фамилию. Он исследует терминологию, связанную с нахарарским строем, подробно рассматривает церковное устройство, которое в Армении также приобрело «нахарарский» характер. Нахарарский строй, утверждает Адонц, родился и оформился в недрах родообщинных отношений. Появление социального неравенства является основным фактором, рождающим феодализм.

Разумеется, многие положения Адонца в настоящее время устарели. Совершенно иначе трактуется общественный строй древнего Ирана, который занимает столь важное место в построениях Адонца. Аналогия